

Рассмотренный сейчас у нас вопрос об объективной истинности или ложности грамматического предложения является вопросом слишком грубым и слишком уж очевидным. Относительная самостоятельность языковых знаков гораздо больше усматривается на других, гораздо более тонких явлениях языка, на более тонкой его интерпретирующей функции. Когда мы говорим о практической сущности языка в сравнении с теоретическим мышлением или когда говорим вообще о выражении мышления в языке и отдельных понятиях в тех или иных словах, то это соотношение мышления и языка никак нельзя понимать механически. Слово всегда богаче понятия и является его конкретным и материальным воплощением. Но это нельзя понимать буквально. В строгой науке, состоящей из операций со строго определенными и со строго фиксируемыми терминами, слово действительно является прямым выражением соответствующего понятия. Но такие строгие термины в сравнении с неисчислимым разнообразием слов в нескольких тысячах языков и диалектов на нашей планете являются только ничтожной прослойкой. Наша обыкновенная бытовая жизнь меньше всего оперирует такими словами.

Что значит слово «самолет» — это я знаю. Но как я знаю? Я слышу звук мотора, я вижу огни самолета, я вижу направление полета и догадываюсь о скорости этого полета, я чувствую близость этого полета к поверхности Земли или его далекость от нее. И для практической жизни этого «знания» вполне достаточно. Но ведь всякий скажет, что знать самолет — это значит понимать его конструкцию, принципы этой конструкции и их механическую осуществленность и собранность в одну систему. Но ведь таким знанием обладает только небольшой круг соответствующих научно-технических работников. Да в этом строго научном смысле я даже не знаю, что такое картофель, который я сам и все другие едим очень часто, без всякого понимания, в чем ботаническая сущность этого растения и каков его точный и научный (а это, конечно, латинский) термин. Есть картофель еще не значит понимать его ботаническую сущность. Кусать что-нибудь — не значит это понимать. И, присмотревшись к обыкновенному человеческому языку, мы без труда можем заметить, что все оперируют словами, обозначающими тот или иной предмет, но почти никто не понимает, что такое этот обозначаемый предмет по своему существу. Можно ли при таких условиях сказать, что слово всегда есть выражение понятия и только понятия?

Да даже если взять слова, в которых выражается точно фиксированное нами понятие предмета, то это еще далеко не значит, что это слово так и будет употребляться нами в смысле абстрактного и вполне бесстрастного понятия. Математики, оперирующие в основном точными терминами, очень часто спорят между собой и даже вносят страстность в эти споры. Ясно, что всякое реальное человеческое слово, выражает ли оно собою строго продуманное логическое понятие или какую-нибудь эмоцию, настроение, аффект или волевую устремленность психики, несмотря на все это, обладает достаточно свободной и независимой жизнью, а вовсе не отражает мышления только чисто механически.

Если остановиться на отдельном слове, то слово не есть понятие, но есть определенным образом выраженное понятие; и слово о вещи не есть сама вещь, но определенным образом выраженная вещь, определенным образом понятая вещь, т. е. определенным образом интерпретированная вещь.

В самом деле, если остановиться, например, на грамматическом предложении, неужели это грамматическое предложение есть обязательно связь каких-нибудь понятий? В таком математическом предложении, как «сумма углов треугольника равняется двум прямым углам» мы действительно ничего не находим, кроме логического соединения тех или других логических понятий. Но если мы имеем такое предложение, как